

Новые стихотворения

Душа подобна озеру... Она
когда спокойна, – в глубину видна,
но разглядеть причудливое дно
лишь с высоты Создателю дано.

Кто надо мною? Птица ли? Судьба?
С отяжкой где-то харкает пальба.
Спокойствие срезается грозой,
угрозою, железной стрекозой.

И ветер поднимает пыль и прах,
звериный ужас, журавлиный страх...
А озеро, – оно не убежит,
лишь отражений множит витражи!
И ничего не видно в глубине.
по прихоти по чьей? По чьей вине?

Но тишина вернётся всё равно,
возьмётся время за веретено, –
за ивовый кружащийся листок,
спрядёт кудель страстей в простой моток.

Задремлет ветер, словно сытый пёс.
Продрогнет лес от васильковых слёз.
Но перед тем, как корочкою льда
затянется остывшая вода,
сверкнёт, надеюсь, тайна там, на дне, –
известная Создателю и мне...

Маргарите Сергеевне приходит письмо
по электронке. От бывшего. О!
Назад, наверное, две сотни лун
он был юн,
называл её Огненная Марго...
Она и теперь – ничего.
Правда, лунным потоком волосы выбелены от корней
(помогает стойкая краска Schwarzkopf).
Почему он вспомнил о ней?
Пишет: «приснилась...
рыжеволосая, на коне летящая вороном...»
Голая – читай между строчек! Почерка метроном
безупречен по электронке, но Маргарита Сергеевна стала мудра
(взрослые дети, дом, статус, полная чаша добра).
Она улыбается... грустно... бывшему не узнать:
За последнее время таких откровений она получила шесть или
пять...
Бывшие, как сговорившись, понаписали ей,
в письмах разнятся только масти коней.

Был соловый, рыжий, крапчатый, белый, гнедой...
Пахло яблоками, коркой горелой, мёдом, бедой.

К чему бы всё это? – задумывается Марго,
если она перескакивает легко
из одного да в другой точно такой же сон.
К чему бы это – сны в унисон?

Всколыхнулось прошлое? Напишется ли ответ?
Да. И тут же – Delete.
Нет. Подобно вулканическому стеклу
прошлое представляет собой отвердевшую мглу –
полупрозрачную, радужную местами, только вот острый скол...
...Вдруг – в сердце тревожный укол.
К чему бы всё это? Прощается ли она
по-настоящему? И, никому не видна,
Маргарита Сергеевна летит на серебристом коне...
...Или это новая чёрточка на Луне?

Плоскогорье Уюк

Заповедное место, покоя глоток – плоскогорье Уюк,
вдалеке от дорог, суеты, кочевой круговерти.
Ближе к небу и солнцу затерянный край, уголок,
где естественно думать о жизни и помнить о смерти.

Пять Священных вершин увенчал ледяной Найрамдал,
там – Китай, только вечным снегам безразличны границы
государств и веков... Не вчера ли сюда забредал
гордый скиф, и курган выросал над останками жрицы?

Не сегодня ли вскрытый курган, осыпаясь, шуршит,
как в песочных часах углубляя сухую воронку?
Время ищет истоки... Снижает орёл виражи,
словно собственной тени кидается хищно вдогонку.

Больше нет никого! Здесь просторы волнисты, пусты,
зной звенит от кузнечиков, дождь налетает с размаха...

И цветы по весне... восхитительно-ярко – цветы,
и сверкает на длани Укока река Ак-алаха.

Только вольно рождённые кони приходят сюда,
или всадники-духи – Белого ищут Бурхана,
где текучее небо, озёр золотая слюда,
где ещё не остыли следы самого Чингисхана.

В Чемале

После высокогорья
снова горяч июль.
Ласковая Катунь. Песочек. Полуденный сон:
детства забытый фрагмент!

...воробьяха свила на балконе гнездо.
Бабушка говорит: "Не трогайте птенчиков!"
А мы, любопытные, в руки берём.
Удивляемся, как это желторотики
так громко пищат!
Воробьяха вокруг суетится.
Бабушка отбирает птенцов –
вот непослушные дети!
И возвращает обратно.

Солнца косые лучи
полосатят балкон,
белую герань золотят...

Теперь там другие цветы и другие жильцы.

А бабушка...
Бабушка знает наверняка,
кто же присматривает за мной,
отбирает из цепких рук,
заботливо возвращает в гнездо,
пока я на самом деле
не научилась
летать...

Снегопад – проводник

Снегопад в апреле – ай, благодать!
Межсезонной серости не видать,
ни рекламной пошлости заказной,
ни дерьма, оттаявшего весной.

Неприглядна правда. Груба. Резка...
Но свежо коснулся снежок виска,
на губах растаял, в ладонь проник
снегопад – проводник

до высоких гор, до небесных сфер!
Мир не может быть повсеместно сер,
повседневно хмур, деловит, кровав,
где душа –
эмигрантка, лишённая прав,
где в решётку беженцы бьют волной,
снова пахнет войной.

Или – может быть? Миллиардов – семь.
Кто-то мирного дома не знал совсем.
И когда в Сибири снега, снега,
где-то в Сирии пепельная пурга,
от сожжённой плоти земля жирна,
до Чистилища обнажена.

Дальше – кадры с грифом «шестнадцать плюс»,
я не девочка, но рассмотреть боюсь.
Под спасительный, белый бегу я снег,
снег – Руси оберег...

Где исправить не можешь ты ничего,
Остаётся надеяться на Него!
Но мыслишка гложет – черна, проста:
Вдруг-де там пустота?

Снегопад апреля – утешь, услышь,
проводи до самых небесных крыш
просьбу слёзную, детских сердец нужду –
остудить вражду.

И не дай мне смерти страшной свинца –
разувериться до конца...

Изогнула гора гнедую
шею дугой.
Я с одной стороны бытую,
а ты – с другой.

На вершине горы – часовня,
заметно ей,
как по тракту скользят бессонно
иглы огней.

На часовню глядим с тобою
с разных сторон.
Снег идёт... Следы к водопою
ровняет он,

что твои оставили кони
два дня назад
по равнине да над рекою...
Ой, бирюза! –

в белом теле зимы – заноза –
клин полыньи.
Тихой жизни моей угроза –
кони твои.

Кони резвые, кареглазы,
совсем как ты.
А снега уже непролазны,
поля пусты.

И на белой горе спокойно
часовня спит.
Не оседланы бродят кони,
звезда знобит...
